

АЛЬБЕР КАМЮ

За Достоевского

Несколько месяцев тому назад я принимал одного симпатичного молодого человека из Советского Союза¹. Он очень удивил меня, когда пожаловался на то, что великие русские писатели недостаточно переведены на французский. Я ответил, что из всех литератур как раз великая русская литература XIX века у нас переведена больше и лучше всего. И в свою очередь привел его в изумление, заявив, что без Достоевского французская литература XX века не была бы тем, чем она является. Дабы окончательно убедить его, я сказал: «Вы находитесь в рабочем кабинете французского писателя, весьма вовлеченного в идейную борьбу своего времени. Какие же два единственных портрета висят в его кабинете?»

Он обернулся, и его лицо засияло при виде портретов Толстого и Достоевского.

Просветлевшее лицо моего молодого друга, этот свет, который сам по себе заставляет забыть весь вздор и жестокость, накопившиеся сегодня и разделяющие людей, я отнес не на счет России или Франции, а на счет сияния творческого гения поверх границ — его чувствуешь едва ли не постоянно во всех произведениях Достоевского.

Я встретился с ними, когда мне было двадцать лет, и потрясение, пережитое мной при этой встрече, живо и сегодня, двадцать лет спустя. Я ставлю «Бесов» в один ряд с тремя или четырьмя творениями, которые венчают собой работу человеческого духа, такими как «Одиссея», «Война и мир», «Дон Кихот» и театр Шекспира. Сначала восхищало то, что Достоевский открывал мне в человеческой природе. Именно открывал, ибо он говорит нам только то, что мы знаем, но отказываемся признавать. Кроме того он удовлетворял одной моей слабости — вкусу к ясности ради нее самой. Но очень скоро, по мере того как я все более остро

переживал драму нашей эпохи, я полюбил того Достоевского, который наиболее глубоко понял и отобразил нашу историческую судьбу. Для меня Достоевский прежде всего — писатель, задолго до Ницше распознавший современный нигилизм, определивший его, предсказавший его ужасные последствия и попытавшийся указать пути спасения. Его главная тема определена им самим как «глубокий дух, дух отрицания и смерти»²; это тот дух, который под видом безграничной свободы требует «вседозволенности», приводит к разрушению всего или к рабству всех. Личная мука Достоевского состоит в том, что он одновременно и переживает и опровергает все это. Его трагедия неотделима от надежды — лечить унижение смирением, а нигилизм самоотречением.

Человек, который написал: «Вопросы Бога и бессмертия те же, что и вопросы социализма, но под другим углом», знал, что отныне наша цивилизация будет притязать на спасение всех или никого. Но он знал также, что, если забыть страдания одного, спасение не может распространиться на всех. Иначе говоря, он не хотел религии, которая не была бы социалистической в самом широком смысле этого слова, но он не принимал и социализма, который не был бы религиозным в самом широком смысле. Таким образом, он спас будущее истинной религии и истинного социализма, хотя кажется, что сегодняшний мир считает его неправым и в том и в другом. Однако величие Достоевского (как и величие Толстого, который говорил о том же, хотя и в другой манере) не перестанет возрастать, потому что наш мир или умрет, или признает его правоту. Умрет наш мир или возродится, Достоевский в обоих случаях будет оправдан. Вот почему, несмотря на все его противоречия, а может быть благодаря им, он вышшеается над нашими литературами и нашей историей. И сегодня он помогает нам жить и надеяться.

О постановке «Бесов»

— Как вы объясните возвращение к Достоевскому, которое наблюдается сейчас в театральной жизни Франции? Инсценируют «Скверный анекдот», «Преступление и наказание», «Идиота» и др. Не является ли это увлечение чем-то случайным?

— Долгое время считали, что Маркс — пророк XX века. Сегодня мы знаем, что его пророчество не сбылось. Мы открываем